

Николай И. Zubov, Одесса

Загадка периодизации славянского язычества в древнерусских списках “Слова св. Григория ... о том, како первое погани суще языци, кланялися идолом...”

Живая старина. М., 1998. № 1 (17). С. 6-10.

Небольшое по объему древнерусское церковное поучение против остатков язычества в народе, называемое “Слово святого Григорья изобретено в толцех о томъ. како первое погани суще языци. кланялися идоломъ. и требы им клали. то и ныне творят*”, известно в нескольких списках. Для нашего анализа мы воспользуемся публикацией списков этого древнерусского поучения против язычества у Н. М. Гальковского[1]. Списки содержат интересную периодизацию славянского язычества: “се слов. [словене] и ти начаша требы класти роду и рожаницам. преже перуна бога ихъ. а переже того клали требу. упирем и берегиням”. Итак, согласно этой периодизации, славяне первоначально поклонялись упырям и берегиням, затем стали поклоняться роду и рожаницам, а еще позже – Перуну. Периодизация давно привлекла внимание исследователей. В свое время ее критически проанализировал И. И. Срезневский. По его мнению, древнерусский автор не мог иметь понятия о такой глубокой хронологии по нескольким причинам. Во-первых, ему, как христианину средних веков, не могло прийти на мысль рассматривать язычество в его эволюционном развитии. Книжнику было достаточно убеждения, что язычество пришло к славянам от поганых эллинов и что оно не сразу было искоренено после принятия христианства. Во-вторых, автор “Слова...” был отдален от времен язычества по крайней мере тремястами лет, а поэтому о том прошлом мог только знать кое-что из того, что видел и слышал в свое время и что вычитал из христианских книг. На таком основании он не мог прийти к представлению о трех названных периодах. Таким образом, делает вывод исследователь, эта периодизация не может стать фактом для науки, как не могут стать таким фактом и утверждения памятника о том, что язычество пришло к славянам от эллинов или что период поклонения Перуну у славян наступил после периода обожествления греками Артемиды[2]. Действительно, из позднейших исследователей, кажется, один только Б. А. Рыбаков воспринял ту древнерусскую хронологию на веру и сделал ее одним из краеугольных камней своей концепции славянского язычества[3]. Справедливости ради следует отметить, что эта древнерусская периодизация после И. И. Срезневского до нашего времени так больше никем и не анализировалась.

Сам И. И. Срезневский, который, по всей видимости, был совершенно прав в своем критическом подходе к вопросу, предложил свое прочтение анализированного места памятника. Это прочтение значительно отходит от

древнерусского текста, и оно осталось бездоказательным (сам автор расценивал свой шаг как поступок смелый, но необходимый, потому что, по его утверждению, буквальное прочтение здесь невозможно). Так, исследователь высказал мысль, что повтор слов *преже* и *перече* того является ошибкой переписчика, ввел в текст новое слово *словити* (“славить, прославлять”), выражение *Перуна бога* их оценил как грамматически неправильное (поскольку якобы должно было бы быть *Перуна бога своего*), а потому слово *их* расшифровал как *иных*. В итоге вышел такой текст:

Тако и до Словенъ дойде се; [словити] начаша и требы класти роду и рожаницамъ. Перече бо того Перуна бога [и иных] [словити] и клали требу [(имъ и)] упыремъ и берегнямъ. По святемъ крещеньи Перуна отинуша, а по Христа Бога яшась. Но и нонепо украинамъ молятся ему проклятому болвану Перуну [(перену)], и хорсу, и Мокоши, и Виламъ[4].

Другими списками “Слова...” исследователь в то время воспользоваться не мог, он только высказал надежду, что такие списки найдутся и покажут, насколько он был прав. Но более поздние находки не подтвердили подобное прочтение. В публикации памятника по рукописи Софийского Новгородского собора это место повторяется практически в том же виде (*се же словене начали трапезу ставити. роду и рожаницамъ. перече перуна бога ихъ. а преже того клали требы упырем и берегнямъ*), а в публикации по рукописи Чудова монастыря место читается так: *се же словени начаша требы класти роду и рожаницамъ (преже) перуна бога ихъ. а преже того клали оупыремъ. требы и берегнямъ...* (Издатель памятника Н. М. Гальковский усмотрел в этом месте смысловое несоответствие и ввел от себя в скобках слово *преже*, ориентируясь на другие списки). Что касается выражения *Перуна бога их*, в котором И. И. Срезневский увидел грамматическую ошибку, то в списке “Слова...” по рукописи Новгородской Софии содержится тождественное выражения *бога их Осириса*, которое однозначно указывает именно на притяжательное значение местоимения *их*: эта форма, по-видимому, подчеркивает отстраненность христианского книжника от тех, которые поклоняются языческим божествам (местоимением *свой* выразить это невозможно, поскольку он, как известно, может относиться к любому грамматическому лицу).

В связи с анализом памятника надо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Начиная с И. И. Срезневского и Д. О. Шеппинга, исследователи считают, что *род и рожаницы*, против культа которых направлено поучение, являются особыми божествами, отдельными от называемых в памятнике Осириса, Артемиды, Перуна, Хорса, Мокоши и др. Мнение первооткрывателя списка “Слова...” в Паисиевом сборнике С. П. Шевырева о том, что род и рожаницы – это те же самые Осирис, Артемида, Артемид и прочие, о которых говорится в памятнике, оказалось фактически забытым. Однако именно С. П. Шевырев был, по нашему убеждению, абсолютно прав: в памятнике действительно речь идет о богинях-матерях (термин *рожаница*) и рождаемых ими богов-сынов (термин *род*). Аргументация в пользу подобного понимания

текста поучения нами уже выдвигалась давно[5], а весь комплекс доказательств в пользу такой трактовки памятника мы приводим в отдельном исследовании.

Подходя к анализу текста памятника именно с такой точки зрения, при сопоставлении структурно тождественных мест списков источника легко заметить интересные закономерности. В списке “Слова...” по Паисиевому сборнику читается: *халдеи. начаша требы имъ творити великия. роду и роженицам. пороженью проклятаго бога осира. сего же осирيدا. скажут книги сороцинския яко нелепым проходомъ проиде. но смердящим.* Это же место в списке по рукописи Чудова монастыря имеет такой вид: *халдеи. начаша творити требы великы. родоу и рожаницамъ. положьнюю проклятаго. и скверненаго бога осирيدا. того же осирيدا скажутъ книги сорочиньскыя. яко нелепым проходомъ проиде смердящим.* В списке по рукописи Новгородской Софии это место выглядит так: *и от техъ извыкоша древле халдеи. и начаша требы творити своима богома. роду и рожаницы. по того рожению. проклятаго. и сквърньнаго бога ихъ. осирيدا того же осирيدا. скажетъ книга лъживая и сквърньная. срачиньскаго жърца. моамеда. и бохмита проклятаго. яко нелепым проходомъ проиде. рожаяся. того ради и богомъ его нарекоша.*

Итак, во всех трех случаях фактически речь идет о поклонении *роду, рожанице* и *акту рождения*. Особенно важной здесь является синонимия словоформ *пороженью* и *положьнюю*, которая выразительно указывает именно на такое прочтение (ср. укр. *пологи* “роды”, русск. *быть в положении*). Что касается отрывка из Софийской рукописи *начаша требы творити своима богома. роду и рожаницы. по того рожению. проклятаго. и сквърньнаго бога ихъ. осирيدا того же осирيدا. скажетъ книга лъживая...* и далее по тексту, то место *по того рожению* возникло, очевидно, из первоначального *порожению* при позднейших переписках под влиянием непосредственно предшествующей конструкции *и того створиша богом* и непосредственно последующего места *того же Осирيدا скажетъ книга...* (это последнее аналогичное место присутствует во всех списках поучения).

Сопоставление этой части памятника с той его частью, которая повествует о славянах, оказывается особенно интересным:

також и до словен доиде. се словене. и ти начаша требы класти роду и рожаницам. преже перуна бога их. а преже того клали требу. упырем і берегиям (список по Паисиевскому сборнику);

даже и до словенъ доиде. се же словене начали тряпезу ставити. роду и рожаницамъ преже перуна бога ихъ. а преже того клали требы упиремъ и берегиямъ (список по рукописи Новгородской Софии);

се же словени начаша требы класти родоу и рожаницамъ пероуна бога ихъ. а преже того клали оупиремъ. требы и берегиямъ (список по Чудовой рукописи).

Параллель, как легко заметить, весьма выразительна: термину *пороженьє* (*положеньє*) относительно Осириса соответствует термин *преже* (*переже*) относительно Перуна. И это позволяет выдвинуть такое предположение: первоначально здесь на месте слова *переже* (*преже*) могла стоять форма *пороженью*. Замена же этой формы при позднейших переписках могла быть спровоцированной последующим противопоставлением *a преже* (*переже*) того и далее по тексту. Тогда текст имел бы такой смысл:

Се и словене начаша тебе класти роду и рожаницям, пороженью Перуна бога их. А переже того клали тебе утирем і берегиням. По святом крещеньи Перуна отринуша, а по Христа Бога яшася, но и ныне по украинам молятся ему проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и вилу; и то творят отаи; сего не могут ся лишити проклятого ставленья вторья трапезы, нареченыя роду и рожаницам.

Внимательное прочтение этого места памятника как раз и подтверждает ту мысль, что Перун здесь первоначально действительно мыслится как *род*, а не является противопоставленным этому последнему особым мифологическим персонажем. Структурно это место представляет собой, так сказать, “рамочную” конструкцию: начинается она упоминанием рода и рожаниц и заканчивается тем же упоминанием, а внутри приводится как бы толкование, что Перун с Хорсом и Мокошь с вилами и представляют рожаничную пару персонажей. Поэтому вполне понятно, что именно Перун (он же род), от которого отреклись язычники, противопоставлен Христу Богу (тоже роду!). Иначе непонятно, почему здесь в памятнике, выразительно и остро направленном против культа рода и рожаниц, появляется антитеза Христа к Перуну, но не к самому роду. Если же понимать приведенную периодизацию буквально и считать, что Перун упоминается из-за того, что был последним предхристианским богом, то подозрительным предстает упоминание после Перуна стадияльно предшествующих рода и рожаниц в конце приведенного отрывка: ведь род и рожаницы – это как будто пройденный этап, как и этап поклонения упырям и берегиням, о которых в данном случае действительно уже не говорится, что им еще и ныне поклоняются “по украинам”.

Итак, антитеза в действительности могла идти по линии противопоставления роду и рожаницам упырей и берегинь. И это противопоставление имеет, по нашему мнению, глубинную мотивацию. Ключ к этой мотивации может дать другой памятник древнерусского периода – слово “О посте к невежамъ в понеделокъ 2 недели”. По наблюдениям Н. М. Гальковского, памятник составлен в XIII в. и представляет собой компиляцию с прозрачными выписками из других тематически близких документов того времени, которые касаются соблюдения правил Великого поста. Важно слово “О посте...” с той точки зрения, что главное место в нем занимает критика языческих обычаев поклоняться духам предков.

Следует обратить внимание на то, что причина критики связана здесь с христианскими пасхальными празднествами. Этот праздничный цикл

наслоился, как известно, на значительный дохристианский культовый цикл, посвященный почитанию предков. В этом последнем цикле покойнический, или навий, Великдень приходился на христианский Страстной четверг. Поучение “О посте...” как раз и направлено против тех, кто в этот день готовит на ночь бани для покойников (навий) и готовится им скоромную пищу, нарушая при этом правила соблюдения Великого поста. Показательно и само название памятника: оно привязывает его к понедельнику второй пасхальной недели, то есть к Провадам, или Радунице. В целом пафос памятника состоит в том, что христианам надлежит с духовной радостью праздновать воскресение Христово, а не почитать покойников: *от субботы же Лазоревы не несутся просфоры ни кутья за упокой, но все в честь въскресенію Христову*[6].

Эта очень сильная антитеза не могла быть случайной, поскольку в ней концептуально отражается сущность противопоставления христианства язычеству. Использовано, по всей видимости, это противопоставление и в “Слове св. Григория...”. Так, компилятор “Слова...” по Чудовскому списку обращается к фигурам рода и рожаниц еще и в таком контексте:

сега же не могут ся лишити проклятаго ставления вторья трапезы роду и рожаницамъ на великую прелестъ вернымъ крестьяномъ и на хулу святому крещению; и на гневъ богу веруютъ упирем и младенци знаменаютъ мертвы и берегнямъ их же нарицають тридесет сестрениць.

Таким образом, упоминание об упырях и берегинях в данном случае разорвано вставкой о поклонении умершим младенцам (это именно вставка: она ломает грамматически правильную конструкцию, известную из других мест памятников). Этот разрыв-вставка выразительно включает берегинь и упырей в культ умерших.

В списке “Слова...” по рукописи Софийского Новгородского собора читаем, что

темъ же богомъ требу кладуть и творять и словеньскыи языкъ: виламъ, и Мокошьи, диве, Перуну, Хърсу, роду и рожаници, упиремъ и берегнямъ, и переплуту, и вертячеса пьютъ ему въ розехъ, и огневи сварожичю молятся, и навьмъ мовь творять, и въ тесте мосты делаютъ, и колодызе, и ина многа.

Итак, в этом случае тоже имеет место редакция памятника, в которой упыри и берегини упоминаются в ряду, связанном с культом предков. Правда, то, что оба эти персонажа отделены от упоминаний про навий и про обрядовые мосты в тесте названием Переплута и огня-сварожича, как бы ослабляет наш тезис. Но в целом все-таки тот факт, что эти же персонажи представляют хтонический мир, вряд ли оспорим. Причем то, что названы они непосредственно после рода и рожаниц, может свидетельствовать о выявлении той же антитезы живого, нарождающегося и мертвого, хтонического.

Если справедливы эти рассуждения, то становится понятной первоначальная идея, заложенная в памятник его автором: по его мысли, от эллинов славяне научились поклоняться рождающимся богам, а до того (*перезе того*) поклонялись покойникам. Отсюда, вероятнее всего, и берет исток та периодизация, которую видим в памятнике. По-настоящему это не периодизация, а идейное противопоставление, затемненное позднейшими переписками и редакциями источника.

Примечания

* Древнерусские цитаты по техническим соображениям передаются средствами современной русской графики.

[1] Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. II. Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе // Зап. Имп. Моск. археологического института. – М., 1913. – Т. 18. – С. 22-35. Приводим необходимый для понимания дальнейших рассуждений отрывок по Паисиевскому сборнику (слова вынесены из-под титл, надстрочные буквы перенесены в строку по смыслу): (*почитают*) “..проклятаго же осирѣда роженье. мати бо его ражающи (оказися) и того створиша богомъ себе. и требы ему силны творяхут оканьнии. от техъ извыкоша халдиш. начаша требы имъ творити великия. роду и роженицам. пороженью проклятаго бога осира. сего же осирѣда. скажут книги сороциньския. яко нелепымъ проходомъ проиде. но смердящим. того ради сороцини мыют оходъ. и болгаре. и терканини холми. откудуже извыкоша елени класти требы. артемиду и артемиде. рекше роду і роженице. тацшиже игуптяне. такоже и до словенъ доиде. се слов(ене).иі ти начаша требы класти роду и рожаницам. преже перуна бога ихъ. а презе того клали требу. утирем и берегиням. по святемъ крещеньи перуна отринуша. а по христа бога яшася но и ноне по украинамъ молятьсѣ ему проклятому богу перуну. и хорсу.иі мокоши. и вилу. и то творят отаи. сего не могутсѣ лишити. проклятаго ставленья вторыя тряпезы нареченья роду и рожаницам. (на) велику прелестъ вернымъ крестьяном. и на хулу святому крещенью. и на гневъ богу...” (ср. там же, с. 24).

[2] См.: Срезневский И. Свидетельство Паисиевского сборника о языческих суевериях русских // Москвитянин. – 1851. – Ч. 2. – № 5 (Часть 1). – С. 56-61.

[3] См., например: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981. – С. 8-30 и др.

[4] Срезневский И., указ. соч., с. 57.

[5] Зубов Н. И. Древнерусская теонимия: Проблема собственного и нарицательного. Дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1982. – С. 73-87; *его же*. Род // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. – М., 1994. – С. 170-173; *его же*. Научные фантомы славянского язычества // Живая старина, 1995. – С. 46.

[6] Гальковский Н., указ соч., с. 16.

© 2000-2001 Slavic Gate kapija@narod.ru